

М.Г. Павловец, М.Г. Павловец

Тихий Дон
Основное содержание

Книга четвертая

Часть седьмая

Повстанческая война помогла Добровольческой армии не только восстановиться после продолжительных и безрезультатных боев с Красной Армией, но и подойти к осуществлению давно разработанного командованием плана прорыва красных войск и соединения с восставшими казаками. От повстанцев требовалось только еще немного задержать красноармейцев у Дона, не давая им переправиться на другой берег. Поэтому сотня татарцев, закрепившаяся в траншеях по левую сторону Дона, упорно отсиживалась, не давая готовым к бою красноармейцам ни единого шанса на переправу. Жизнь траншейная текла тихо, с редкими перестрелками, с рыбной ловлей Христони и мирными посещениями жен, приходивших подкормить вояк и починить им одежду. Степан Астахов, прослышавший о переезде жены в Вешки, зная также, что там обитает и Григорий, решил в очередной раз испытать судьбу и вызвать Аксинью к себе под Татарский. Услышав от хуторянина, прибывшего в Вешенскую с поручением, об угрозах мужа, Аксинья быстренько собралась и отправилась к Степану с гостинцами. Честно выполняя свои супружеские обязанности, чувствовала несчастная женщина не только равнодушие к мужу, но почти отвращение, которое могло перерасти в ненависть, но тут пересилило великодушие Степана, ни словом не упомянувшего о Григории Мелехове и возобновившейся связи. Стирая мужнино белье, вспоминала Аксинья своего Гришку, да не таким, какой он стал после четырех лет войны, а прежним — молодым и неопытным, и от этого чувствовала Аксинья к нему еще большую любовь, к которой примешивалось чувство материнской нежности.

На обратном пути в Вешенскую, отойдя на приличное расстояние от боевых траншей, когда звуки природы окончательно пересилили звуки войны, на открытой поляне присела Аксинья передохнуть. Прислушиваясь к сокровенному звучанию мира, отыскала по томительному и сладостному аромату цветов ландыша. Оставаясь по-прежнему благоухающим и нежным, ландыш заметно поддался будущему увяданию, и, перебирая маленькие беленькие чашечки, снизу уже сморщенные и почерневшие, непонятно почему вспомнила Аксинья всю свою прожитую жизнь, а вспомнив, всплакнула горько: видно, стара стала, станет ли женщина смолоду лить слезы оттого, что сердце схватывает случайное воспоминание. Устав от своих переживаний, сморенная лесной тишиной, уснула Аксинья под открытым небом. Разбудил ее молодой словоохотливый казак. Подвергшись нешуточному нападению, происшедшему после нескольких оброненных вроде бы мирно слов, Аксинья дала твердый отпор, но отбиться смогла только после того, как назвалась женой Григория Мелехова.

В эту же ночь красные прорвали фронт возле хутора Малого Громчонка. Удалось им это потому, что казаки все перепились, под ударом красноармейцев впали в панику и бежали вместе с навещавшими их бабами. Паника передалась и другой сотне, Татарской, останавливать которую пришлось самому Григорию. Сделать это оказалось не так легко, татарцы валили напрямик к лесу, не обращая внимания на редкий пулеметный огонь. Взбешенный Григорий приказал пороть хуторян плетью и сам с размаху рубанул плетью по мокрой от пота Христониной спине. Другого стремительно убегающего казака, сутуловатая фигура которого показалась Мелехову знакомой, удалось остановить одним крепким словом да угрозой зарубить. Оказался это родной отец, остановило его оскорб-

ление, выскочившее из уст непочтительного сына. Оправдания Григория, что невозможно было узнать Пантелея Прокофьевича, бежавшего неумоимо и резво (при этом не хромая!), последнего только еще больше разъярили (прошла первая неловкость от постыдного дезертирства). Однако спустя несколько минут среди успокоенных стариков Пантелей Прокофьевич уже с гордостью вспоминал своего геройского сына, сумевшего так ловко навести порядок. Оскорбление было забыто, тем более что выговор правильный и сделан старшим по чину — генералом.

В Вешенской тем временем приготовились к отпору карательного красноармейского отряда.

Своевременно избавились от пленных, отправив их в Казанскую. Из ста пятидесяти человек второй партии (первую, отправленную днем раньше, казаки истребили полностью) до Казанской добралось лишь восемнадцать человек. В одном из хуторов бабы, встретившие этапных на дороге, заступились за молоденького цыгановатого красноармейца, якобы сошедшего с ума. Дородная казачка, мать трех погибших сыновей, накормила бойца и, раскрыв его хитрость, спасла, отправив в тыл в сопровождении своего внука, прекрасно знающего местность. Как все матери, она ненавидела войну и считала своим долгом остановить это братоубийство.

Татарский, в котором оставалась Ильинична с ребятишками и выздоравливающей после тифа Натальей, казаки отбили. Вернулся домой Пантелей Прокофьевич, первым делом поинтересовавшийся, насколько пострадало его хозяйство. Наведался проездом Григорий.

Тем временем началось воссоединение повстанцев с Добровольческой армией. Не радовало оно казаков обеих сторон: армейцы не могли простить оставленного фронта и отказа идти в отступление, а повстанцы не хотели возврата к старому — жизни под офицерами. Соединялись разоренные, навоевавшиеся, обносившиеся казаки с разжиревшими на союзнических поставках бывшими сослуживцами, втайне и явно ненавидя друг друга. Не у дел оказался и бывший генерал восставших казаков Григорий Мелехов. Не вошел он в офицерскую «семью»: манеры и характер подкачали. С банкета в Вешенской в честь воссоединения, наслушавшись бравых речей пьяных офицеров, угроз да упреков в адрес бежавших с фронта казаков, Григорий ушел разозленный. Отправился к Аксинье и там столкнулся со Степаном. Тягостно затянувшийся вечер прервал Прохор Зыков, пришедший за Григорием по приказу Кудинова. Григорию пришлось уйти, так и не выяснив отношений с Аксиньиным мужем.

Перед отправкой на фронт навестил Мелехов свою семью в Татарском. Станным показалось Григорию это четвертое возвращение домой. После холодного приема в предыдущий приезд Наталья теперь была неожиданно ласкова и возбуждена. Впервые почувствовал Григорий тягу к жене и детишкам, от их необыкновенного запаха (волосы детей пахли солнцем, травой и чем-то еще нестерпимо родным) долго не мог оторваться Григорий. Вдруг показался он себе бесконечно чужим в этой мирной обстановке. Заметил Григорий, что хозяйство уже перестало волновать и отца, его заботила лишь мобилизация, точнее, возможность ее избежать. Видно, опустили руки у деда Мелехова, понял он невозможность наладить жизнь по-старому. Все выходило из-под контроля Пантелея Прокофьевича: Дуняшка, несмотря на запрет, продолжала сохнуть по Мишке Кошевому; Дарья, не сломленная никакими жизненными напастями и бедами, постоянно перечила свекру, все более отходя от хозяйства и опускаясь на глазах; Григорий продолжал изменять верной и любящей Наталье. Ни над чем уже не властен становился старик Мелехов, ничего не мог он изменить и исправить.

На этот раз Григорий покидал хутор со странным, смешанным чувством к своей жене. Только теперь он в полной мере ощутил всю силу ее любви (потрясенная лаской мужа, его нежданым вниманием, Наталья однажды — в первый и последний раз — наклонилась и поцеловала его черную, пропахшую лошадиным потом руку), только сейчас начал задумываться о своих детях, таких близких и родных (провожая отца, Мишатка —

любимец всей семьи — расплакался, прося, чтобы вместо отца на войну отправили деда). Никогда еще не покидал он хутор с таким тяжелым сердцем, как в этот раз. Воспоминания об Аксинье ушли куда-то, отодвинутые новым, не испытанным до этого желанием семейного счастья.

Дня через три после отъезда Григория вернулся в хутор Митька Коршунов. Приехал он с двумя своими сослуживцами по карательному отряду: с пожилым калмыком и пропойцей Силантием Петровичем, казачком Распопинской станицы. Видно, знатно служил Митька Коршунов белогвардейцам в карательном отряде Прянишникова: за зиму дослужился до вахмистра, а потом получил чин подхорунжего. Разжирел на казенных харчах, раздобрел. Горд собой был Митька Коршунов: добился и он офицерского чина, да не так, как Григорий Мелехов — рискуя в бою своей головой, другие качества требовались для этого в карательных отрядах. А качеств этих у Митьки с детства было хоть отбавляй: свойственная ему жестокость не только нашла себе достойное применение, но, ничем не останавливаемая, чудовищно возросла.

Навестил Коршунов родное пепелище (волнение на мгновение промелькнуло в кошачьих глазах, да и исчезло). Постоловался у свата Пантелея Прокофьевича и, выведав, что семья Мишки Кошевого (спалившего дом Коршуновых и в бешенстве убившего деда Гришаку) находится здесь, в хуторе, ни слова не говоря родственникам, отправился со двора в сопровождении своих сослуживцев. Спустя время до Мелеховых донесся слух о бесчинстве, совершенном тремя опытными карателями: они вырезали всю семью Кошевого — старуху мать и детей (по словам Аникушкиной жены, ставшей свидетельницей расправы, кровь лилась из-под дверей). Пантелей Прокофьевич палача в дом не пустил, Наталья брата защищать не стала: казакам противна была такая бессмысленная, нечеловеческая жестокость.

После отъезда карателей по хутору ходили неделю толки. Большинство осуждало расправу над семьей Кошевого. Убитых похоронили, хатенку забили досками — покупателей на нее не нашлось. Еще долго потом детишки боялись играть вблизи этого страшно молчащего дома. Потом наступил степной покос, и недавние события забылись.

За работу принялись Мелеховы всей своей оскудевшей семьей. Вернулась на одиннадцатый день из обывательского обоза Дарья, пригнав необходимых в работе быков. Не было старикам сладу со старшей снохой, а после неожиданной награды и вовсе Дарья от рук отбилась. Случилось это в самый разгар полевых работ. Приехали в хутор командующий Донской армии генерал Сидорин с союзниками. Оторвав людей от работы в самый покосный день, проговорили они свои громкие речи да стали награждать казачек за геройский поступок — убийство пленных красновардейцев. Давали Георгиевский крест и пятьсот рублей. Первой в этом списке значилась вдова убитого в марте хорунжего Мелехова. Покорила всех своим боевым видом веселая вдовушка. Возвратясь домой, денег она свекру не отдала, сославшись на то, что если б деньги предназначались семье погибшего, то это было бы оговорено в приказе. Пантелей Прокофьевич, и без того разочарованный видом современных генералов (они и на генералов-то не похожи вовсе: ни тебе аксельбантов, ни наград), спорить со снохой не стал, хотя всех и удивил отказ Дарьи. Разъяснилось все позднее, когда Дарья, побывав в городе, призналась Наталье, что заразилась в обозе от офицера сифилисом, что лечиться ей никак невозможно и решила она покончить собой, сначала порадовавшись на эту вдруг засиявшую всеми красками жизнь. Просила она сообщить обо всем Ильиничне (самой совестно) и ни в коем случае не ставить в известность свекра. Женщины, соблюдая все меры предосторожности (выделив Дарье отдельную посуду и не подпуская к ней ребятишек), твердо держали данное невестке слово.

Томимый неясными предчувствиями и тоской, вернулся Григорий на фронт. Особое безразличие овладело вдруг Мелеховым. Его начальник штаба, Копылов, хотя с виду — человек сугубо штатский, дело вел умело и быстро наладил отношения с Григорием. Однако и он (ученый) попрекал Григория плохими манерами, безграмотной речью,

указывал на резкое отличие Мелехова-офицера от офицеров Добровольческой армии, называл Гришку чуть ли не большевиком, а после стычки того с генералом Фицхелауровым и вовсе перестал с Григорием общаться. Объясниться им так и не удалось: Копылова убили в первом же бою. Для Григория этот бой стал знаменательным: он впервые уклонился от прямого участия в сражении. Не повел казаков под обстрел большевистских батарей: не из трусости — просто что-то сломалось в этот момент в Григории Мелехове, командире казачьей дивизии, и с предельной ясностью он осознал всю никчемность происходящих событий. То ли разговор с Копыловым, то ли скандал у Фицхелаурова, обвинившего Григория в бездарном командовании казаками, а может быть, и то и другое было причиной такого настроения Григория. Но теперь он отчетливо понял, что примирить казаков с большевиками ему не удастся, а служить офицерам, презирающим его, враждебным по духу, которых он сам не уважал — тоже больше не хотел.

На место убитого Копылова прислали к Григорию нового начштаба — полковника Андреянова. Пожилого курносого офицера с мальчишески оттопыренными ушами и седной на висках, по-стариковски болтливый и к тому же трусливый, Григорий невзлюбил с первого взгляда. Дальше его неприязнь только возрастала. Как-то, придя в штаб, попал Григорий на допрос пленного красноармейского командира. Он оказался мобилизованным Орловским губвоенкоматом бывшим офицером царской армии. Несмотря на это, на вопросы, касающиеся расположения и количества красноармейских частей, участвовавших в боях, отвечать наотрез отказался. Григорию очень понравилось, с каким достоинством держался весь допрос офицер-враг. Развеселило его и порадовало еще больше, как удачно был поставлен на место Андреянов, как смешон в бессильной злобе по сравнению с пленным, безоружным, но спокойным. Под конец оказалось, что полковник к тому же сам себя обезоружил: он угрожал командиру красноармейцев разряженным, давно нечищенным револьвером. Григорий от расстрела пленного спас, здраво рассудив, что расстрелять надо того, кто выдал своего командира, чтобы на чужом примере научить казака верности. На замечание начштаба, что офицеров-большевиков надо истреблять без сожаления, что они в Добровольческой армии всегда пускали таких в расход, Григорий ответил, что он привык убивать в бою, а пленных без нужды не стреляет.

Сам напрашиваясь, Григорий с радостью принял разжалование в сотники. Дивизию его расформировали, пробудив тем самым мутную тревогу и возмущение среди уважающих командира казаков. Однако не успел Григорий добраться до пункта нового назначения, как вырвали его с фронта новым страшным известием с хутора.

Может, Григорий и не вспоминал уже о горькой своей и бесплодной любви к Аксинье Астаховой, да люди такого не забывают. Дарья, в отместку за несчастно прожитую разгульную свою жизнь, из зависти рассказала расцветшей после отъезда мужа Наталье, что стала однажды сводницей в Григорьевой связи с Аксиньей, а потому точно знает, что отношения их продолжаются. Наталья нашла подтверждение этим словам и своим предчувствиям у самой Астаховой. И решилась женщина на глубоко противный ее природе поступок — вытравить ребенка, которого ждала от Григория. Ильинична не успела остановить взбесившуюся сноху. Наталья умерла от начавшегося кровотечения, наказав Мишутке передать отцу поцелуй и просьбу, чтоб не забывал детей своих, жалел и любил их.

Сообщение о гибели жены снова привело Григория в родной дом.

По дороге домой многое передумал Григорий за два долгих дня. Нещадно гнал он коня, привыкшего к хозяйскому вниманию и бережному отношению, стараясь уйти от одолевавших его мыслей. В спутники взял с собой Прохора Зыкова, развлекал его воспоминаниями о прошедших войнах, о выигранных сражениях. Но чем ближе приближались они к хутору, тем мрачней и молчаливей становился Григорий. Узнав от Ильиничны правду, помрачнел еще больше. Если бы Наталья, взяв детишек, ушла, как грозилась свекрови, из дому, если бы умерла там, отягощенная ненавистью и злобой к мужу, Григорий, может, и не стал бы так страдать. Его боль увеличивалась от сознания того, что

Наталья, умирая, простила его, что последние ее мысли были о нем, горячо любимом муже. Это отягчало его совесть немым укором.

Осознав, что именно Акси́нья стала виновницей смерти Натальи, он почувствовал к ней отчужденность, а затем и возрастающую злобу. Акси́нья, прекрасно понимая переполнявшие Григория чувства, старалась встреч с милым избегать, на глаза ему не попадаться.

Даже работа, по которой соскучился Григорий, не могла избавить его от обуревавших тяжелых мыслей. Посреди покоса вдруг бросал косилку, садился на коня и мчался к детям, по которым вдруг начинал скучать. Дом, горница — все с детства родное вдруг изменилось, опустело после смерти Натальи. Вещи, предметы еще хранили ее запах, порядок, ею установленный, и тем все более усиливали гнетущую Григория тоску. Он занялся совсем уж позабытым делом: стал мастерить игрушки для своих детишек. Однако никакие игрушки не могли завоевать сердце разбушевавшегося Мелехова-младшенького: отец не успел появиться, как снова в поле собирается. С обещания Григория взять в поле на покос Мишатку началась крепкая дружба отца с сыном.

Григорий уезжает с хутора Татарского на фронт, так ни разу и не поговорив с Акси́ней. Только однажды повстречались они на проселочной дороге, но у Григория на коне сидел Мишатка, к тому же ни сам Мелехов, ни Акси́нья особого желания к разговору не высказали. По пути к фронту все больше казаков встречали Григорий и Прохор, верный спутник Мелехова. В основном это были дезертиры, возвращавшиеся в родные хутора. Одни — с добычей (награбленным во взятых станицах и хуторах добром: грабили, как будто находились на чужой территории — «на двое суток город в вашем распоряжении»), другие — побираясь. Дезертиры бежали с фронта, не пытаясь даже особенно прятаться, предоставляя липовые освободительные документы или даже без оных. Их вылавливали карательные отряды, составленные из калмыков, наказывали по законам военного времени, возвращали в оставленные части. Но чем ближе подъезжал Григорий к фронту, тем больше открывалась перед ним отвратительная картина разложения Донской армии, начавшегося именно тогда, когда Добровольческая армия, пополненная повстанческими отрядами, достигла на Северном фронте наибольшего успеха.

В станицах и селах, где располагались ближние резервы, офицеры беспросыпно пьянствовали; казаки самовольно уходили в отпуска (части насчитывали около шестидесяти процентов состава, не больше); обозы ломались от награбленного имущества, еще не переправленного в тыл.

Поистине символической стала для Григория встреча в одной прифронтовой станице с лейтенантом английской армии Кэмпбеллом. Тот служил у белогвардейцев инструктором по танкам, даже лично участвовал в боях с красными. Его сопровождал офицер Добровольческой армии поручик Щеглов. Оба пили по-черному. Кэмпбелл был уверен в поражении белогвардейцев: народ победить невозможно. Сознывая это, но уважая храбрость и мужество красноармейцев, свидетелем которых был не раз, Кэмпбелл только горько ухмылялся. Поручик же, напиваясь, исходил злобой и бессильной ненавистью (эмоциями для Григория не новыми), он грозился, еле двигая языком, народ «привести в исполнение», то есть «в повиновение» (оговорка, пожалуй, очень показательная). Григорий понял, что с этим «разъяренным» поручиком ему не по пути, а вот англичанину, руки которого черны от машинного масла, Мелехов явно сочувствовал, пожелав ему поскорее убраться с чужой земли.

За год семья Мелеховых убавилась ровно наполовину. Не зря проговорил как-то Пантелей Прокофьевич, что смерть полюбила их курень: не успели похоронить Наталью, как через полторы недели после отъезда Григория снова запахло в просторной горнице мелеховского дома ладаном. Утопилась Дарья. Однажды, вернувшись с поля, она отправилась с Дуняшкой купаться. Заплыла на середину Дона, вынырнула на минуту из воды, вскрикнула: «Прощайте, бабоньки!» — и пошла камнем на дно. Памятуя эту фразу, не соглашался поп Виссарион отпевать самоубийцу и хоронить как положено, на кладбище;

только угроза Пантелея Прокофьевича пожаловаться атаману на своеволие священника в отношении офицерской вдовы, награжденной Георгиевским крестом, помогло Мелеховым избежать невиданного позора.

Выкапывая Дарье могилку, Пантелей Прокофьевич и себе присмотрел место на кладбище, но, видно, не то время пришло, когда можно старикам спокойно помирать в родном курене. Упорно ползли в хутор слухи об отступлении Донской армии к Дону. Пантелей Прокофьевич старался не участвовать в разговорах об этой войне, вроде принимая все равнодушно, но поведение его убеждало в обратном. Все раздражительнее становился старик, все чаще случались с ним вспышки безудержного гнева, в продолжение которых он уничтожал с таким трудом нажитое добро. Чинил как-то хомут, ссучил дратву, начал сшивать, но дратва оборвалась несколько раз — этого было достаточно: вскочил, опрокинув табурет, схватил хомут и начал зубами разрывать кожаную обшивку, потом бросил на пол и стал, по-петушиному подпрыгивая, топтать хомут ногами. На замечание Ильиничны ответил, успокаиваясь, что и хомут-то был так себе... Постепенно Ильинична применила другую тактику при мужнином разоре: во время подобной вспышки она начинала всячески ему потакать, помогая в учинении погрома. Это оказало лучшее воздействие, нежели предыдущие попытки остановить Пантелея Прокофьевича уговорами.

Чтобы как-то укрепить позиции Донской армии, была объявлена поголовная мобилизация, в которую попали и хромым старик Пантелей Прокофьевич, и раненый Христоня. Освободились только явные калеки. Фронт неумолимо продвигался к Дону. Пантелей Прокофьевич провоевал недолго, 17 сентября он вернулся в хутор дезертиром. Кто-то из соседей на старика донес, и его забрали с первым же карательным отрядом. Наказания розгами, которое выносил полевой суд в станице всем дезертирам, Пантелей Прокофьевич избежал только благодаря доброму имени своего сына Григория. Его отпустили, снова направив на фронт, однако выйдя из станицы, Пантелей Прокофьевич вздохнул с облегчением и отправился прямо по бездорожью... обратно в Татарский (теперь он собирался прятаться получше — единственный урок, который вынес старик из всей этой истории). Чем ближе подходил Пантелей Прокофьевич к Дону, тем чаще встречал подводы беженцев. Повторялось то, что происходило весной во время отступления повстанцев: все дороги были запружены набитыми до отказа бречками, гуртами овец, табунами ревущего скота... Вернувшись домой, Пантелей Прокофьевич и сам собрался в отступную.

Необычным оказалось для казаков новое наступление красных: занимая хутора, они, как прежде, курени казачьи не жгли, семьи не разоряли, а за взятые продукты щедро платили советскими деньгами. Красные никого из мирных жителей не трогали, о мщении даже не помышляли — урок прошлого пошел на пользу.

Две с половиной недели пробыл Пантелей Мелехов со своей семьей в хуторе Латышевском, а потом, узнав об отступлении красных с Дона, направился домой. Война, от которой так бегал Пантелей Прокофьевич, сама вошла в его двор, оставив после себя безобразные следы разрушения. Еще больший ущерб хозяйству причинили свои же казаки, державшие в хуторе оборону.

Осень, и так навевающая тоску и мысли о смерти всеобщим увяданием природы, принесла с собой новые беды: привезли хоронить еще трех казаков. Среди погибших были изуродованный до неузнаваемости Аникушка и веселый казак Христоня. Пантелей Прокофьевич убежал от дурных мыслей и похорон в лес (за хворостом и, между делом, на рыбалку). Однако и здесь достал его заунывный звук церковного колокола.

Вскоре пришлось Пантелею Прокофьевичу испытать новое потрясение: въехала во двор подвода, ведомая Прохором Зыковым (бессменным вестовым Григория). Привыкли в хуторе к таким подводам, не один казак вернулся так с последнего боя. И родня, и Аксиныя уже похоронили Гришку, лишь завидев мрачное шествие. Однако Григорий Мелехов был жив, только тяжело болен: сломил казака тиф.

Через месяц Григорий выздоровел. И вместе с выздоровлением появились ранее несвойственные ему любопытство и интерес ко всему происходившему в хуторе. Все

в жизни обрело для него какой-то новый смысл. На окружающий его мир смотрел он чуть удивленными глазами, пугая и смущая домочадцев. Так, однажды застала его Ильинична за пристальным рассматриванием прялки. Григорий веселил смешливую Дуняшку своим странным послетифозным видом: тощий, бродил брат по горнице в одних спадающих с него кальсонах; присаживаясь, цеплялся за что-нибудь руками, боясь упасть; да еще обрился после тифа наголо, и голова стала похожа на арбуз (вся в шишках, круглая и темная). Григорий подолгу стал возиться с детишками. Избегал он только разговоров о войне, так волнующей и интересующей сынишку. Почему-то стыдно было отцу рассказывать Мишатке о ней: не мог ответить он на простые, бесхитростные вопросы ребенка. Кто такие красные и почему их убивают, Григорий и себе-то не мог ответить, что уж говорить о пытливом мальчишке. Мелехов мысленно перебирал в памяти убитых за две войны, и получалось, что ни один дом на хуторе не обошла смерть стороною. Другой запретной темой стали для него воспоминания о Наталье.

Не успел Мелехов окончательно встать на ноги, как война опять подошла вплотную к дому. Вскоре на майдане был оглашен приказ окружного атамана, обязывающий ехать в отступление всех взрослых казаков. Да и без приказа ничего другого не оставалось делать ни Пантелею Прокофьевичу, ни, тем более, Григорию — казачьему офицеру. Пантелей Прокофьевич к отступлению начал готовиться еще во время болезни Григория. Готовился тщательно, по-хозяйски, взял с собой, помимо прочего, даже безмен (корм лошадям взвешивать, на чужих весах обмануть легче). План отступления, предложенный сыном, отклонил (сын — военный, и план его подходит для военных, а он — хозяин, ему дорога не прямая, а с обходами по родственникам: так легче самому без особых затрат прокормиться и скот в порядке держать). Долго пререкаясь, остановились все-таки на плане Пантелея Прокофьевича.

Григорий подготовился к отходу иначе: он твердо решил взять с собой Аксинью, о чем и договорился с ней перед отъездом в Вешенскую, где надеялся узнать месторасположение своей дивизии. В станице он ничего не узнал и на следующий день после отъезда отца отправился в путь вместе с Прохором и Аксиньей. Однако вскоре Аксинья тяжело заболела тифом, и казаки вынуждены были оставить ее в одном из хуторов.

Теперь Григорию решительно все стало безразличным. Узнав об оставленном белогвардейцами Ростове, он уже не верил ни в какую возможность сопротивления. Вместе с верным Прохором они подаются на Кубань. Григорий занимает обычную для себя в такие минуты позицию: «там видно будет».

Отступление, бесцельное и пассивное, продолжалось. В Белой Глинке Григорий неожиданно узнал о смерти отца. Пантелей Прокофьевич скончался от тифа в чужой хате, одинокий, бездомный, измученный продолжительной болезнью. Григорий застал уже хладный труп, изъеденный вшами. После похорон старика Григорий с Прохором отправились дальше, к Екатеринодару. По дороге Мелехов заболевает возвратным тифом, полупьяный военный врач предвещает Григорию, желающему во что бы то ни стало продолжать свой бессмысленный поход, неизбежную смерть. Однако выпросив для лечения спирта, Прохор с Григорием пускаются в путь.

К этому времени белогвардейские войска на юге России терпят окончательное поражение и устремляются к морю.

Повозка с больным, часто теряющим сознание Григорием медленно тянулась на юг. В Екатеринодаре его случайно отыскали казаки-однополчане, помогли, поселили у знакомого врача, и уже через неделю Григорий поправился.

В Новороссийске Мелехов с товарищами оказался в марте, когда Красная Армия подошла вплотную к городу. Генерал Деникин пытался вывезти свои разбитые войска, однако эвакуация была организована плохо, множество солдат и белых офицеров не смогли уехать. Григорий с казаками тоже попытался попасть на корабль, однако, отчетливо сознавая, что теперь никому нет дела до них, рядовых казаков, уже сослуживших свою службу, уезжать отказался. Товарищи решили последовать его примеру. В ожидании

красных казаки загуляли по-черному, отгоняя все самые страшные мысли беспробудным пьянством.

Вопросы и задания

1. Сравните возвращение домой Мишки Кошевого и Митьки Коршунова. Отличается ли отношение хуторян к расправам, учиненным этими казаками в Татарском? (Кн. III, ч. VI, гл. LXV; кн. IV, ч. VII, гл. XII.)

2. Когда Григорий впервые ощутил любовь к собственным детям? Что способствовало возникновению этого чувства? (Гл. XVIII.)

3. Выделите эпизоды, свидетельствующие об изменении отношения казаков к хозяйству с приходом войны на их землю. Что вопреки всему осталось в казаках неизменным? (Кн. III, ч. VI, гл. XIII, XV, L, LVI; кн. VI, ч. VII, гл. И, XXI, XXIV, XXV, XXVII и др.)

Часть восьмая

Аксинья выздоровела к весне. Чудесно обновленным и прекрасным предстал перед нею мир. Ничего не зная о судьбе Григория, но наслышанная о продолжающейся войне, Аксинья заспешила в родной хутор, уверенная, что именно дома она будет ближе всего к любимому. Но в Татарском ждал ее брошенный и осиротевший курень. И жила бы она так совершенно одна, если бы тоска и тревога за жизнь Григория не сблизила Аксинью окончательно с Мелеховыми. Ильинична стойко держалась только благодаря надежде на встречу с младшеньким. Аксинья как могла помогала Дуняшке и Ильиничне по хозяйству: и с посевной, и с воспитанием детишек Григория. О Степане вспоминала неохотно; почему-то ей казалось, что не вернется он. Собирала всякие, зачастую противоречивые слухи о Мелехове, добросовестно делилась ими с его семьей. И только от Прохора Зыкова получили достоверные сведения: Григорий жив-здоров, в Новороссийске перешел на сторону красных и теперь воюет в Конной армии Буденного. С поступлением на службу Советской власти, по словам Прохора, Григорий заметно переменился: веселый стал, приняв решение служить, пока все прошлые грехи не замолит. А служил он, действительно, как умел, на совесть, сам Буденный благодарил, руку жал. Прохор Зыков оставался со своим командиром до последнего, пока не был тяжело ранен в бою и не демобилизовали его с одной рукой подчистую.

После этих новостей с возросшим нетерпением стала ждать сына Ильинична. Она изводила всех ближних разговорами о долгожданном сыне, вспоминая о нем при каждом случае. Даже о хозяйстве заговаривала с тайным желанием поговорить о Грише.

Однако хозяйствовать на базу Мелеховых пришлось совсем другому казаку. Вернулся однажды в Татарский Мишка Кошевой и тут же направился к единственно родному человеку, оставшемуся в живых, — к Дуняше. Холодная встреча, оказанная ему Ильиничной, напора Мишкиного не ослабила: он уже давно готовился к тяжелым ответам на ее обвинения и речь свою продумал основательно. Не считал он себя виновным ни в гибели Петра, старшего сына, ни в смерти Пантелея Прокофьевича, ни в мытарствах Григория; если он и «душегуб», то так можно было окрестить всех казаков, участвовавших в войне, — и самого Петра, и Григория, а что уж говорить о мелеховском куме Митьке Коршунове. Ничего не могла ответить на это Ильинична, а уж тем более не смогла отказаться от помощи по давно уже развалившемуся без мужских рук хозяйству: Мишка поставил повалившийся плетень, обстругал грабельники, отремонтировал рассохшийся баркас, помог в приготовлении к покосу и в сам покос. Работа спорилась в уставших от войны руках казака, мешала только одолевавшая его болезнь. Один из приступов лихорадки, напугавший Мишатку Мелехова, вдруг неожиданно примирил Ильиничну с упорным «душегубом»: взгляделась Ильинична в его восковое лицо, в сутулую фигуру, подсмотрела равнодушный, измотанный болезнью взгляд, ярко вспыхнувший только при виде мелеховского сынишки, а потом снова потухший, и непрошенная материнская жалость овладела сердцем старухи. По-прежнему борясь с двумя захлестнувшими ее противоречивыми

чувствами — жалостью и ненавистью — согласилась Ильинична на свадьбу Дуняшки и Мишки Кошевого.

После свадьбы дела дома Мелеховых, где обосновались молодые, пошли на поправку. Мелеховский курень словно помолодел, засияв свежепокрашенными ставнями. Ретивым хозяином оказался Мишка. Только Ильинична вдруг стала чувствовать в родном доме себя лишней и чужой, казалось, что молодые начинали жить с нуля, все переделывая и восстанавливая на свой манер, не интересуясь мнением «бывшей» хозяйки. И Ильинична стала с каждым днем ощущать себя все более одинокой. Мысленно она все время была с сыном, все силы расходовала на его ожидание. Даже детям Григория не уделяла уже должного внимания, все возложив на тетку Дуняшу. Ничто уже не могло взволновать старуху: ни хозяйство, ни счастье дочери (зять по-прежнему оставался для нее чужим человеком). Сама жизнь стала тяготить ее. В один год потеряв столько близких и любимых, она продолжала неизвестно почему и зачем жить, быстро постаревшая, надломленная страданиями. За свою долгую нелегкую жизнь, считала Ильинична, она заслужила хотя бы одного: встретить, наконец, своего горячо любимого сына. Но скоро и эта надежда стала угасать, теряться в захлестнувшем море одиночества. Лишь однажды к Ильиничне вернулась, и то ненадолго, ее бывлая жизнерадостность: пришло письмо от Григория, с поклоном и обещанием скоро вернуться домой.

Недели две спустя Ильинична заболела. К себе она никого не допускала, даже посещения Аксиньи становились в тягость старой женщине, желающей остаться наедине со своими воспоминаниями. Как ни странно, об умерших Петре, Пантелее Прокофьевиче, Наталье не думала она в последних своих страданиях. Все мысли ее занимал только Григорий (вспоминалось, как кормила она малыша грудью, при этом неохотно вспоминая молодость, свою замужнюю жизнь). Не нужно ей было уже ни чужого сочувствия, ни постороннего внимания, только тревога за сына удерживала Ильиничну при жизни, зставляя учащенно биться изболевшееся материнское сердце. Но постепенно и эта тревога ослабла, выпуская Ильиничну, все чаще впадающую в забытие, из своих цепких рук. Как-то ночью встала Василиса Ильинична с постели, вышла во двор, покричала, позвала долгожданного сына в последний раз (свидетельницей этого случайно стала Аксинья), да и вернулась в дом... готовиться к смерти. Через три дня она умерла.

После смерти Ильиничны Кошевой стал единственным полновластным хозяином в доме. Однако что-то, по наблюдениям внимательной к хозяйству Дуняши (наследство отца), сломалось в ее муже. Дуняшка думала, что происходит это вследствие болезни, а может, лени мужа. Оказалось же, что начал подумывать Мишка о преждевременности оседлой жизни: слишком грозные времена настали для его горячо любимой Советской власти. Врангель подходил уже к Ростову, с рудников и из концентрационных лагерей возвращаются недовольные жизнью казаки, держатся особняком, явно на что-то надеются. Не могло такое пройти мимо зорких глаз Кошевого: набычился Мишка, разозлился. И впервые выплеснул свою злобу на молодую жену. Произошло это в присутствии Прохора Зыкова, которого Мишка, привыкший делить мир только на красных и белых, незаслуженно оскорбил подозрением. Дуняшка, вступившись за Прохора, а особенно обидевшись на такие же нападки мужа в адрес ее родного брата, села в стороне, напуганная угрозами о расправе над Григорием. Прохор же со своей обычной хитрецей перевел внимание разгневанного красноармейца с любимого командира на Кирилла Громова (разбойника и дезертира, только что сбежавшего из Красной Армии в полном боевом вооружении). Тут-то и выиграла в полной мере Мишкина красноармейская добросовестность. Достав из закров свое оружие, тщательно проверив его, отправился он в Вешенскую на комиссию.

Медосмотр Мишка не прошел (подвела невылеченная лихорадка), но в хутор вернулся уже не просто демобилизованным красноармейцем Кошевым, а председателем хуторского ревкома. На этой почетной должности сменил Мишка старика Михеева, с радостью передавшего ему немудреные полномочия. Тут же нашел новый председатель

нового секретаря (полуграмотного подростка Андрея Обнизова) и пошел по хутору важно и чинно (должность обязывала) выполнять свои председательские обязанности. В целях безопасности и наведения порядка в Татарском необходимо было, по мнению Кошевого, арестовать бандита Кирилла Громова. Громова застать врасплох ему не удалось, тот бежал вместе с остальными опасными для Советской власти казаками. С тех пор переместился Мишка со своей женой спать в сенцы: кровать их стояла в опасном месте — под окном. Каждую ночь теперь перед сном Кошевой строго проверял боевое оружие. А дни проводил в нелегких разговорах-агитациях: надо было разяснять обнищавшим хуторянам временность и недоразумение всего происходящего.

А жить действительно становилось все труднее: не хватало соли, керосина, масла, сахара, спичек и еще многих других необходимых в хозяйстве вещей. Недовольных казаков увещевал председатель ревкома, ссылаясь на козни буржуев и белогвардейцев, уничтожающих рельсы, эшелоны, продовольственные и промышленные запасы. Нередко ради красного словца и пушей убедительности приходилось Мишке и привирать. Народ на время успокаивался, а вот родную жену так просто уговорить не удавалось: однажды после очередных возмущений обозвал ее контрой (вся в мелеховскую породу) да чуть не ударил. Дуняшу больше всего волновала теперь только дальнейшая судьба Гриши: из обмолвок мужа поняла она, что дома ее брата ждет суд, а там, может, и расстрел. Об этом Дуняшка поспешила сообщить Аксинье.

А вскоре демобилизованный красноармеец Григорий Мелехов вернулся в хутор. Холодно и неприветливо произошла долгожданная встреча с родным домом: бывший друг, а теперь и близкий родственник Мишка Кошевой даже руки не подал. В первую же ночь после приезда произошел между ними тяжелый разговор: Григорий говорил, что устал от войны, что вернулся, чтобы только трудиться, работать, воспитывать своих детей, что смертельно устал и не хочет ничего, кроме покоя; Михаил не верил ему, не пытался даже услышать бывшего однополчанина. В создавшейся ситуации, когда казаки смущены продрозверсткой, недовольны Советской властью, Григорий, как бывший повстанец, офицер, уважаемый всеми, стал наиболее опасным человеком для председателя хуторского ревкома. Поставив Мелехова в один ряд с мародером Кирюшкой Громовым и с разжиревшим палачом Митькой Коршуновым, Кошевой не хотел слышать мирных заверений уставшего от битв человека. В ту же ночь увидел Мелехов сон, как пошел полк в атаку без него, к великому стыду и ужасу казака-красноармейца. Проснувшись, он долго не мог прийти в себя; не знал Мелехов, стремившийся к миру и спокойствию, что сон этот вещий, и не раз еще придется ему ходить в атаку во сне и наяву.

Мельком после возвращения увидел Григорий радостную Аксинью, пообещал навестить ее на следующий день, да разговор с Мишкой отсрочил долгожданную встречу: Кошевой приказал Мелехову, как бывшему казачьему офицеру, срочно явиться в Вешенскую в Дончека для постановки на учет. Уверен был Мишка, что Григорий из Вешенской не вернется, да и сам Мелехов уже почти не сомневался в этом после Мишкиного приема. Потому и всячески оттягивал решающую минуту. Рано утром на следующий день после приезда вышел Григорий из дома, решив навестить могилы матери, брата, жены Натальи, да так и не дошел до кладбища: и без того тяжело и смутно было у него на душе. И он повернул к дому Прохора Зыкова. Тяжелые мысли не отпускали его. Он думал о рано повзрослевших детях, о своей несбывшейся надежде на мирное хлеборобство и семейное счастье рядом с желанной Аксиньей, о своих тяжелых ошибках, от которых не так просто отделаться и расплата за которые еще впереди.

Еще тяжелее стало на душе после разговора с верным другом. Прохор рассказал ему о судьбе бежавших Листницких: отец в Морозовской умер от тифа, сын застрелился, узнав об измене жены. Сообщение это Григорий принял равнодушно, значительно больше взволновала его другая новость: Прохор сообщил о восстании в соседней с ними Воронежской губернии. Зыкову не нравилось это потому, что отвоевал он свое, как и его

командир, давно пора казакам за работу приниматься, а вот Григорий расстроился более основательно: новость эта была явной угрозой его, мелеховской, жизни. В такое смутное время никто не поручится за уважаемого казаками офицера. Григорий почти завидовал Листницкому и Мишке Кошевому: они точно знали, за что гибнут, понимали свое предназначение. Он же, сначала примкнувший к большевикам, затем волею судьбы воевавший за белогвардейцев, потом снова за Советскую власть, весь свой путь прошел с великим сомнением в душе, да так и не знает верного пути: от красных отбился, к белым не примкнул — интересы и тех и других оказались чуждыми казаку Григорию.

В Вешенскую Мелехов все же отправился сразу от Прохора Зыкова. На площади перед Дончека остановился нерешительно: все существо сопротивлялось идти самолично на смерть (даже просто арест был равносителен для свободолюбивого казака смерти: страшнее смерти, с которой не раз уже встречался в открытом бою, казалась Григорию неволя). В это время рядом с ним вдруг оказался бывший однополчанин брата Петра, а теперь красноармейский командир Яков Фомин. Он решительно советовал Григорию побыстрее покинуть свой хутор и скрываться как минимум года два-три, пока все окончательно не успокоится. Однако рассуждения Фомина не только не остановили Григория, но, напротив, усилили его решимость покончить со всем раз и навсегда (скрываться, прятаться было не в характере Мелехова, тем более сейчас, когда он впервые попытался обрести свое утерянное счастье).

В Дончека Мелехов заполнил анкету, подробно описав свое участие в казачьем восстании 1919 года. На этот раз его отпустили, потребовав явиться на отметку через неделю. Григорий заспешил к уже уставшей от ожидания Аксинье. С Мишкой Кошевым ужиться он уже не мог, с первого дня выяснив с тем отношения. Мелехов перебрался вместе с детьми к Аксинье. Григорию было все равно где жить, лишь бы жить в покое. Несколько дней он провел в угнетающем безделье: ни к чему не лежала душа. Он был уверен в неизбежном новом, насильном расставании с домом, и руки, так рвавшиеся к работе, вдруг опустились под влиянием мыслей об аресте и тюрьме. За долгие бессонные ночи он окончательно решил в Вешенскую больше не ходить, а через неделю он уйдет из хутора, как советовали друзья. Аксинье пока решил ничего не говорить, пусть радуется тому, что есть.

Но не случилось Григорию до конца выполнить задуманное, не дал ему времени Мишка Кошевой, которому не терпелось побыстрее избавиться от недостойного родственника. Как-то ночью прибежала сестра и сообщила, что прибыли из Вешенской два всадника, что разговаривает с ними муж, рассказывая о Мелехове. Собрался Григорий быстро, ушел, не попрощавшись со спавшими детишками, отправился в новые скитания. Так кончилась для Григория Мелехова недолгая мирная жизнь.

Поздней осенью 1920 года в связи с плохим поступлением хлеба по продразверстке были созданы продовольственные отряды. С ужесточением мер началось брожение среди казачьего населения Дона. Уходили казаки с хутора с оружием, сформировывали банды численностью от пяти до двадцати штыков. Банды отбивали обозы с хлебом, уничтожали коммунистов и продовольственные отряды. Население встречало бандитов сочувственно, они всегда в любом хуторе находили еду и сообщения о передвижении карательных отрядов. Все это затрудняло ликвидацию банд, к тому же караульный батальон Верхне-Донского округа, на который она была возложена, возглавлял Капарин, бывший штабс-капитан царской армии и эсер: он всячески препятствовал уничтожению зародившихся на Дону контрреволюционных сил. А в начале марта 1921 года в Вешенской восстал эскадрон под командованием Якова Фомина.

Фомин давно уже вынашивал план этого восстания (подогреваемый Капариним и пьяными откровениями подчиненных казаков); не случайно он пытался уберечь и Григория Мелехова, переживал за судьбу повстанцев Вакулина. Однако Вешенскую, как намеревались Капарин и Фомин, взять не удалось, и с остатками эскадрона они начали свои скитания по окрестным станицам в напрасной попытке увлечь за собой казаков.

Все это происходило на третий месяц мытарств Григория. Он переходил из одного хутора в другой, останавливаясь у своих и Аксиньиных дальних родственников. Такой иждивенец теперь был даже самой гостеприимной хозяйке в тягость. Томила и Григория подобная жизнь, слишком уж напоминающая тюремное заключение. Однако недоставало ему нужной решимости покончить с таким существованием, вернувшись в Татарский. Выйдя однажды ночью с последнего убежища, не зная толком, куда направиться, был Григорий схвачен вооруженными казаками. Судьба снова сыграла с ним злую шутку: вместо того чтобы оказаться в руках красноармейцев, которые могли положить конец его мытарствам, он попал в отряд восставшего Фомина.

Инстинкт самосохранения принудил Григория остаться в банде. В лозунги Фомина («освобождение казаков от ига комиссаров») он не верил. Расчет Григория был простой: продержаться как-нибудь до лета, а там бежать с Аксиньей подальше (может, на Кубань), чтобы хоть как-то изменить свою постылую жизнь. К тому же и казаки фоминцев не поддерживали. Все чаще получал выступающий на хуторных сборах Фомин яростный отпор со стороны женщин и мужчин, не желающих больше воевать. Шла весна, подходила рабочая пора, и с каждым днем таял отряд Фомина. Земля настойчиво звала казаков по домам. В отряде ухудшилась дисциплина, участились случаи грабежей. Григорий, никогда за годы войны не участвовавший в мародерствах, и теперь возмутился поведением фоминцев. Но остановить разложение, начавшееся, впрочем, с головы (сам Фомин весело пил-гулял со своими подчиненными), было уже невозможно. Все шло к неминуемому развалу, к тому же фоминцев настойчиво преследовали красноармейские разъезды конной группы под командованием напористого и понимающего в военном деле казака Егора Журавлева. Он-то и нанес последний удар по банде Фомина. Разгром был полный. Чудом уцелели только пять человек, в их числе Мелехов, Фомин и Капарин.

Пятеро беглецов укрылись на острове, образованном разлившимся Доном. Жили кое-как: питались продуктами, привозимыми дальним родственником Фомина, спали на сырой земле (зато вволю), огонь не разводили из опасения, что их обнаружат. Григорий подолгу лежал на берегу, вспоминая с грустью родных, Аксинью. На минуту вспыхивала в нем ненависть к Мишке, но он подавлял эти чувства, считая, что в большей степени сам виноват в том, что происходит с ним. Ранения и перенесенный тиф давали о себе знать: временами нестерпимо болело в груди, приходилось стискивать зубы, чтобы не стонать. Григорий нашел лекарство от этой режущей боли: он ложился левой стороной груди на сырую землю или мочил водой рубашку, и боль медленно уходила.

Именно здесь, на острове, довелось Григорию окончательно определить свое размежевание с офицерами. Вышло это в разговоре с Капариним. Слабохарактерный эсер-мистик Капарин не выдержал гонений судьбы, решил на предательство (он хотел вернуться в Вешенскую, где надеялся заслужить себе прощение, выдав остальных повстанцев). Для этого он искал себе соучастника побега, на который не мог решиться в одиночку. Ни тугодум Фомин, ни отрядный палач Чумаков (втайне ненавидевший Капарина) в помощники не годились, выбор пал на Мелехова (не советская выскочка, а настоящий белогвардейский офицер!). Однако Григорий, выслушав рассуждения Капарина о неизбежности восстановления монархизма, произнес свою самую длинную и чуть ли не единственную речь на мировоззренческие темы. Никогда еще Григорий так ясно не представлял и не определял пути своего народа; он теперь ясно осознал, что возвращения к старому быть не может, народ строит свою новую жизнь, да вот какую, Григорий пока не знал. Определенно только, что это не то, что предлагает ему «интеллигент» Капарин, никакая лесть здесь штабс-капитану не поможет, Мелехову не по пути с «учеными людьми», от которых все беды и происходят. На всякий случай Григорий Капарина разоружил, хотя слово свое сдержал и остальным казакам о разговоре не рассказал. В ту же ночь Чумаков по приказу Фомина убил Капарина.

В конце апреля островное заключение Григория и трех казаков закончилось. Они переправились на баркасе через Дон, где уже ждал их молодой казак Александр Кошелев,

которому «остобрыдло» дома проживать. Вдохновленный этим пополнением, Фомин продолжил свой путь в банду Маслака.

Вопреки ожиданиям Григория, за полторы недели к четверым непокорным присоединилось еще человек сорок казаков. Это были остатки разбитых в боях банд. Им было решительно все равно, кому служить, кого убивать, это был отпетый народ: по словам Фомина, «висельники», по определению Чумакова, «разбойнички». Все с меньшей охотой принимали хуторские богатеи фоминцев, и не только из-за ужесточившихся мер со стороны властей, но и потому, что, заходя в хутор, казаки начинали грабить, нещадно уничтожать нажитое добро. В конце концов Григорий решил окончательно уходить из банды. Готовясь к этому обдуманно, по-хозяйски, он откармливал лошадей, холил их, у зарубленного милиционера взял документы, зашил их под подкладку шинели. Как-то ночью на походе он выехал из рядов, остановился, как будто для того, чтобы переседлать коней. После того как затих топот конских копыт, Григорий, облегченно вздохнув полной грудью, поскакал к родному хутору.

Задолго до рассвета подъехал Григорий к Татарскому. Обошел родной курень, тихонько постучался Аксинье в окошко. Договорившись с ней о побеге (Аксинья даже и не поинтересовалась куда, лишь бы с ним), детей решили оставить на попечение Дуняши, тут же прибежавшей по зову Аксиньи. Ушли на рассвете, перецеловав так и не проснувшихся Полюшку и Мишатку. С легким сердцем уходила Аксинья, как когда-то пошла вслед за Григорием в Ягодное, только узелок тогда был побольше да сами помоложе. На привале (днем идти было опасно) Аксинья рассказывала о нелегкой жизни своей без Григория, сам же казак, не спавший уже давно, задремал под мерный ласковый шепот женщины. А она разглядывала своего Григория, не узнавая: что-то суровое, почти жесткое появилось за месяцы разлуки в его глазах, в складках рта, в резко очерченных скулах. Только сейчас она подумала, как, должно быть, страшен Григорий в бою. Аксинья была совершенно счастлива; ни ей, ни Григорию не осталось ничего, кроме как быть вместе, да еще бы детей, которые уже Аксинью стали называть мамой, побыстрее забрать к себе.

Поздней ночью, когда зашел месяц, они покинули свое укрытие. Однако на краю хутора наткнулись на красноармейскую заставу. Круто повернув коней, Григорий, хлестнув лошадь под Аксиньей, помчался было назад. Но поздно: долетела до груди казачки шальная пуля. И Григорий, мертвея от ужаса, понял, что все кончено, что самое страшное, что могло случиться, уже произошло. Хоронил он ее при ярком солнечном свете, веря в то, что растают они ненадолго. Теперь ему некуда было торопиться. Все было кончено. Словно пробудившись от тяжелого сна, поднял Мелехов голову и увидел прямо над собой черное солнце и черное небо. Он лишился всего, что было дорого сердцу, все отняла у него безжалостная смерть. Но почему-то он судорожно цеплялся еще за эту жизнь. Вот и теперь Григорий, вместо того чтобы вернуться к единственному, что могло еще радовать, греть, — к детям, снова стал скрываться, прятаться.

Теперь он направился к обосновавшимся в Слащевской дубраве дезертирам. Пробирался, мучимый голодом, так как подойти близко к какому-либо жилью не решался: со смертью Аксиньи он утратил и былую храбрость, и разум. Дезертиры нашли его в лесу совсем истощенного. Их было семеро. Жили они в просторной, удобной землянке, обосновавшись в ней по-хозяйски основательно, почти ни в чем не нуждаясь. Григорий быстро отъелся, окреп. Целыми днями просиживал он в землянке, вырезая из дерева ложки, выдалбливая миски, мастеря игрушки. Он потерял счет дням, его с головой захлестнула тоска по детям. Григорий жил только прошлым, а прошлое казалось тяжким сном.

Как-то объявился в землянке Чумаков, бежавший из разбитого отряда Фомина. Переждал немного и отправился искать легкой жизни, да с ним Григорию не по пути. Через неделю после ухода Чумакова Григорий засобирался домой. Впервые за все время своего пребывания в лесу он улыбнулся, подумав о доме. Ушел, даже не дождавшись первомайской амнистии, обещанной дезертирам.

Перед хутором бросил Григорий в Дон свое оружие (когда-то так напугавшее Аксинью). Еще издали увидел сына. Мишатка испуганно взглянул на него (уже не раз он дрался из-за отца, которого окрестили местные ребята бандитом), опустил глаза, узнав. Полюшка Григория не дождалась, умерла осенью от «глотошной».

Единственное, что осталось Григорию на этой земле, что роднило с нею и со всем огромным сияющим холодным солнцем миром, был сын, которого крепко держал на руках вернувшийся в последний раз домой Мелехов.

Вопросы и задания

1. Прочитайте часть первую книги первой «Тихого Дона». Какие сцены и эпизоды казачьей жизни особенно близки писателю, какие из них являются показателем нормальной жизни? (Гл. II, III, IV, VIII, IX, XV, XXI–XXIII и др.)

2. Опровергните примерами из текста распространенное мнение критиков, что Шолохов идеализирует казачество. (Гл. I, VII, XIV.)

3. Какую роль в этой части играет эпизод соревнования казака Коршунова и сотника Листницкого? (Гл. VIII.)

4. Сопоставьте портретные описания Петра и Григория, Аксиньи и Натальи. Подумайте, как различия во внешности героев передают различия их характеров. (Гл. I, X, XII, XV и др.)